

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАМАЛА ХОДОВА)

Дреева Д.М., Гиголаева И.Р.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, e-mail: dshanetta@mail.ru, ilona.gigolaeva@mail.ru

В статье, посвященной изучению способов реализации категории побуждения как одной из коммуникативно-прагматических категорий в языке, предпринимается попытка на материале стихотворных произведений осетинского поэта Камала Ходова выявить характерные особенности выражения побудительной модальности в поэтическом тексте. На основании анализа употребления побудительных предложений и других средств оформления и выражения категории побуждения в стихах Камала Ходова выявляется тенденция к усилению и, соответственно, смягчению степени интенсивности побуждения за счет морфологических элементов, а именно - за счет превербов, а также делается вывод о наличии в осетинском поэтическом тексте как универсальных средств вербализации побуждения, так и специфических средств, обусловленных особенностями грамматического строя осетинского языка.

Ключевые слова: поэтический текст, категория побуждения, стихотворная речь, побудительная модальность, повелительное наклонение, грамматическая категория, морфологические средства

MEANS OF EXCLARATIONS EXPRESSION IN POETIC TEXT (BASED ON POETIC WORKS OF KAMAL KHODOV)

Dreeva D.M., Gigolaeva I.R.

K.L. Khetagurov North-Ossetian State University, Vladikavkaz, e-mail: dshanetta@mail.ru, ilona.gigolaeva@mail.ru

In the article, devoted to the ways of realization of the category of exclamation as one of the communicative-pragmatical category in the language, an attempt is undertaken to reveal typical features of expression of exclamation modality on material of poetic works of Ossetian poet Kamal Khodov. Based on the analysis of the use of the imperative sentences and the other means of expression of category of exclamation in Kamal Khodov's verses. there is a tendency to intensification and, in accordance, decreasing in the degree of imperative owing to preverb, the authors came to the conclusion about existence both universal means of verbalization of exclamation and specifical means, dependent on features of the grammatical system of the Ossetian language.

Keywords: poetic text, category of exclamation, exclamation modality, imperative mood, poetic speech grammatical category, morphological means.

Исследование категории побудительности относится к числу наиболее актуальных проблем, изучаемых в рамках антропоцентрической лингвистики. Побудительность – это свойство людей и других явлений действительности вызывать изменение окружающей реальности [7, с. 1]. Грамматическим (морфологическим) средством выражения категории побудительности является повелительное наклонение, которое относится, согласно формулировке Н.Г. Агазаде, к «эмоционально-волевому языку» [цит. по: 3, с. 5].

Признается, что побуждение как одна из коммуникативно-прагматических категорий предложения играет чрезвычайно важную роль в человеческой деятельности. Как совершенно справедливо подчеркивает А.В. Вольский, «общение немислимо без побуждения к действию. Люди непрерывно обращаются друг к другу с разнообразными побудительными фразами» [2, с. 83]. Побудительное высказывание имплицитно указывает на

необходимость выполнения адресатом данного действия, при этом необходимость может быть обусловлена не только субъективным желанием адресанта, но и объективными обстоятельствами.

Вплоть до второй половины XX века категория побудительности рассматривалась сквозь призму традиционного подхода к изучению языка. Ученых интересовало формальное устройство языка, а не проблемы функционирования языка. Поэтому долгое время исследователи считали главным маркером побудительности грамматическую форму императива, вследствие чего у ученых отсутствовал интерес к изучению побудительности из-за ее относительно простого устройства. Таким образом, в рамках прежней парадигмы научного знания рассматривались только императивные предложения, а повелительные конструкции не входили в круг интересов ученых прошлого столетия.

В 70-80-х годах XX века ученые пришли к выводу, что нельзя рассматривать язык как самостоятельную систему вне его употребления в речи. Многие лингвисты (Сусов И.П., Сагалова Е.С., Маслова А.Ю., Лобанова Е.В.) признали важным изучение категории побудительности с точки зрения ее реализации в речи, а прагмалингвистический подход более перспективным для изучения побудительных конструкций.

До сих пор явление побудительности остается недостаточно изученным. Все еще ведутся споры среди ученых по ряду вопросов, а именно: по установлению границ структуры категории побудительности, в определении центральных и периферийных средств выражения семантики побуждения и т.д. [6, с. 14]. Но все исследователи сходятся во мнении, что императивные предложения являются не единственной формой выражения повеления, для выражения повеления используют разные конструкции, которые в «живой» речи могут приобретать оттенок приказа, совета, просьбы и т.д.

В рамках данной статьи ставится **задача** проанализировать средства оформления и особенности выражения категории побуждения в стихотворной речи в рамках осетинской лингвокультуры. В качестве **материала** для исследования используются стихотворные произведения осетинского поэта **Камала Ходова** (1941).

В грамматике осетинского языка явление повеления, или побуждения, квалифицируется как одна из категорий желательного и условного наклонения, наряду с семью другими категориями, выделяемыми в рамках данного наклонения: желанием, условием, предположением, долженствованием, возможностью, прерванностью осуществления действия и допущением [4, с. 253-254].

Что касается повелительного наклонения, то оно рассматривается отдельно и характеризуется как форма, выделяющаяся из общей системы грамматических категорий осетинского глагола не только по значению и морфологическому строению, но и особой

интонаций [4, с. 255]. Основными формами повелительного наклонения являются формы 2-го и 3-го лица, образующиеся от настоящего времени путем присоединения особых окончаний:

- 1) 2 лицо единственного числа имеет нулевое окончание; 2 лицо множественного числа образуется путем присоединения окончания *-ут* к основе настоящего времени.

Бад ам! Сиди здесь!

Бадут ам! Сидите здесь!

- 2) 3 лицо единственного числа образуется при помощи окончания *-æд*; 3 лицо множественного числа – при помощи окончания *-æнт*.

Мидæмæ рацæуæд! Пусть заходит!

Хæдзармæ рацæуæнт! Пусть заходят в дом!

Для выражения побуждения к совместному действию в осетинском языке используется форма 1-го лица множественного числа условного наклонения, например, в таких выражениях, как:

Фыссæм иумæ! Давайте писать вместе!

Бадæм ам! Давайте сидеть здесь! [4, с. 256]

Как и в других языках, употребление данной формы для выражения побуждения в осетинском языке указывает на единство говорящего с теми, к кому он обращается.

В осетинском языке существует также особая, описательная форма повелительного наклонения будущего времени. Она образуется посредством прибавления к обычным формам повелительного наклонения частицы *иу*. Однако, поскольку указанная частица выполняет в осетинском языке функцию показателя многократности действия (в том числе и действия, выраженного в повелительном наклонении), ее употребление может привести к некоторой двусмысленности, которая, впрочем, устраняется благодаря контексту [см.: 1, с. 80-82]. В ходе исследования выяснилось, что для поэтических текстов Камала Ходова характерна высокая плотность употребления грамматической формы императива как наиболее выразительного средства вербализации побудительности [см. об этом: 5, с. 116].

Например, в стихотворении «*Сæумæрайсомы арфæ*» («*Утренняя молитва*»), состоящем из 56 стихотворных строк, грамматические формы императива (2 лицо единственного числа; 3 лицо единственного числа) употребляются 16 раз, заметно учащаясь в середине и в конце стихотворения. В приведенном ниже отрывке из названного стихотворения форма 3-го лица единственного числа в ударной позиции третьей строки

(*хъазæд*) сменяется формой 2-го лица единственного числа, которая регулярно повторяется в той же позиции в конце каждой нечетной строки:

Табу даæхицæн, Стыр Хуыцау,

<...>

Æрвыл райсом на хох-рындзтыл

Залдаг сæуæхсид хъазæд!

Тыхджын да æмæ бараг да! —

Цæстуарзонæй наем ракæс.

Рæстудæн дæр, маенгудæн дæр

Дæ бæрзонд тæрхон рахæсс.

Дæ рард дзиглотæн, о Хуыцау,

Сызгъæрин арфæ рауадз.

О адамыл сæ зины хай

Уæлахиз кæнын ма уадз.

[8]

Еще один отрывок из рассматриваемого стихотворения иллюстрирует такой же равномерный, осуществляемый с интервалом в одну строку, повтор грамматической формы 3-го лица единственного числа повелительного наклонения:

Къобор лæппутæ — сагсуртæ

Ирон чындзытæн гуырд!

Кæстæры куывдæн чъириаг

Ирон куырой æрыссæд.

Ирон картæй ирон ныхас

Æхсары къæрцау хъуыссæд!

[8]

В заключительной строке стихотворения в качестве средства выражения побуждения, в данном случае - побуждения к совместному действию, используется форма 1-го лица множественного числа условного наклонения:

Хæрамы бæсты де стыр ном

Нæ зæрдæты куыд хæссæм.

[8]

Однако, при общей высокой частотности употребления императива (на каждые 3,5 строки приходится 1 грамматическая форма повелительного наклонения) в анализируемом произведении превалирует все же форма 2-го лица единственного числа.

Нередки случаи, когда автор использует в пределах одной стихотворной строфы обе грамматические формы императива единственного числа: (грамматическую форму 2-го лица единственного числа. и грамматическую форму 3-го лица единственного числа):

Дард лæуу, сæтæлæг – бюрократ!

Мæ цæстæнгасæй фæстдзынæ æртхуæг!

<...>

Фæлæ фæхауæд ме ‘взонг цард

«хъæлтæй»,...

[9, с. 22]

Гораздо реже семантика побудительности вербализируется в поэтических текстах Камала Ходова посредством грамматической формы 2-го лица множественного числа:

Уайсахат дын, футтыттæгæнгæйæ,

*Бадомдта: «**Ысуадзут** мæ уæ сæрма!»*

[8]

Примечательно, что степень интенсивности выражения повелительного наклонения в поэтических текстах на осетинском языке не зависит от количества используемых грамматических форм императива в пределах одной строфы. Так, градус императивности в осетинском языке возможно усилить с помощью морфологических средств. Наглядным доказательством данного утверждения является нижеследующий отрывок из свободных ритмов Камала Ходова:

*Гæркъайау нæ **ныздухæд**,*

Йæ разæй нæ хæссæд!...

[8]

В приведенном примере мы наблюдаем сгущение грамматической формы императива, но усиление категоричности приказа здесь осуществляется посредством употребления преверба «ны». Усиление градуса императивности с помощью преверба «ны» прослеживается и в других стихотворных текстах Камала Ходова.

Например:

*Æвзист кæсагау уырдаæм хи **ныздух**!*

[9, с. 27]

В данной строке автор использует грамматическую форму императива 2-го лица единственного числа. Преверб «ны» в данном случае также выражает направление действия.

Гораздо реже категория побудительности выражается, как свидетельствует анализируемый материал, не посредством грамматически маркированных форм императива, т.е. глаголами во 2-ом или 3-м лице единственного или множественного лица в повелительном наклонении, а глаголом будущего времени в изъявительном наклонении, в данном случае - глаголом 2-го лица единственного числа:

*Ма цастангасай **фестдзынаэ** аертхутаэ!*

[9, с. 22]

В приведенном примере поэт использует преверб фæ-, придавая тем самым действию оттенок внезапности. В результате предупреждение в строках стихотворения звучит практически как угроза.

Как показало исследование, степень побудительности можно как усилить с помощью морфологических элементов, так и «смягчить» ее:

*Дуар-**иу** гомай **ныууадз** – аз зындзынаен.*

Фурды астау наей уылаенан баззайаен.

<...>

*Дуар-**иу** гомай **ныууадз** –*

Æз зындзынаен...

[9, с. 14]

Приведенный пример иллюстрирует, как интенсивность повеления, которую придает высказыванию преверб «ны», нивелируется приглагольной частицей «иу». Приглагольная частица «иу» смягчает повелительное высказывание, придавая ему оттенок обычности, постоянства действия, таким образом, данное высказывание приобретает оттенок пожелания.

И наоборот:

Уайсахат дын, футтыттагэнгаейа,

*Бадомдта: «**Ысуадзут** ма уа сарма!»*

[8]

Несмотря на то, что автор использует преверб «ыс», который должен, как кажется, придать высказыванию оттенок просьбы, градус повелительности здесь выше, нежели в предыдущем примере. Степень повелительности усиливается и на графическом уровне организации текста – с помощью восклицательного знака.

Итак, как свидетельствует проведенное исследование, вербализация категории побуждения в стихотворных произведениях Камала Ходова обеспечивается разнообразными

языковыми средствами и способами. На фоне безусловного доминирования формы повелительного наклонения, выраженной «эталонной» формой - глаголом 2-го лица единственного числа, побуждение к действию эксплицируется формой 3-го лица единственного числа, а также, хотя и гораздо реже, глаголом 2-го лица единственного числа будущего времени в изъявительном наклонении.

На основании проведенного анализа стихотворных произведений Камала Ходова можно констатировать следующее:

1) в осетинской поэтической речи прослеживается довольно высокая частотность употребления грамматически маркированной формы выражения категории побуждения (формы 2-го лица единственного числа и, реже, 3-го лица единственного числа), в отдельных случаях повелительная модальность выражается с помощью альтернативных форм.

2) в поэтических текстах Камала Ходова наблюдается тенденция к усилению или, соответственно, к смягчению степени интенсивности побуждения за счет морфологических элементов, а именно - за счет превербов, что объясняется, по нашему мнению, особенностями грамматического строя осетинского языка.

Список литературы

1. Абаев В.И. . Грамматический очерк осетинского языка. – Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. – 168 с.
2. Вольский А.В. Побудительная речь // Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. языков имени М. Гореза. – Т. 6. – М., 1953.
3. Гильфанов Р.Т. Лексико-грамматические средства выражения побудительной модальности в татарском и немецком языках // В мире научных открытий. – Красноярск: НИЦ, 2011. № 11.6(23). – С.1596-1605.
4. Грамматика осетинского языка. – Т.1. – Фонетика и морфология. – Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. – Орджоникидзе: Респ. книжная типография, 1963. – 368 с.
5. Дреева Дж.М., Гиголаева И.Р. Императив как средство вербализации волюнтаривной семантики в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений И. Бахман и К. Ходова) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып.19. – Владикавказ, 2015. – С. 115-121.
6. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2009. – 40 с.

7. Рамазанова А.Н. Побудительный потенциал английских пословиц: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2005. – 23 с.
8. Ходов Камал: [Электронный ресурс] // http://amdzavga.ru/poet/hodov_kamal/
9. Ходы К.Х. Кар. Аемдз. Орджоникидзе: «Ир», 1974. – 93 с.

Рецензенты:

Тамерьян Т.Ю., д.фил.н., профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ;

Дзодзикова З.Б., д.фил.н., профессор, профессор кафедры осетинского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ.